

НАСЛЕДИЕ И ФРОНТИР: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОСМОСА В МУЗЕЯХ КАЗАХСТАНА

К. Медеуова, У. Сандыбаева

Кульшат Медеуова | <https://orcid.org/0000-0001-8860-9678> | mkulshat@gmail.com |
д. филос. н., доцент | Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
(ул. Сатпаева 2, Нур-Султан, 010008, Казахстан)

Улболсын Сандыбаева | <https://orcid.org/0000-0001-7075-405X> | ulbolsyn.enu@gmail.com |
к. филос. н., доцент | Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
(ул. Сатпаева 2, Нур-Султан, 010008, Казахстан)

Ключевые слова

Казахстан, Байконур, космос, музеи, фронтир, советское наследие, космонавты, космический мусор

Аннотация

В статье авторы рассматривают, как космос воспринимается в казахстанских музейных экспозициях, как уживаются в музеях старые и новые фреймы, как меняются визуальные паттерны, репрезентирующие космическое после обретения страной независимости. Тема космоса порождает амбивалентные дискурсы, поскольку в Казахстане расположен космодром Байконур, есть космическая инфраструктура и отечественные космонавты, в то же время космическое присутствует в повседневной жизни людей, живущих в зонах приземления космонавтов и падения “космического мусора”. В статье используются этнографические описания из казахстанских музеев, расположенных в разных регионах и населенных пунктах страны, в том числе в городах, позиционирующих себя как “космические гавани”. Репрезентация космоса в музеях демонстрирует, с одной стороны, связь коллективной памяти с советским наследием, героикой идеологического формата, ностальгией по воображаемому космическому будущему, с другой стороны, постепенное вытеснение/забвение этого дара модерности и перевод космического в плоскость фронтального присутствия.

Информация о финансовой поддержке

Министерство образования и науки Республики Казахстан [грант № AP08856485]

В откритом в 2015 г. самом большом и новом Национальном музее Республики Казахстан в г. Нур-Султане космосу посвящено пять стендов и два макета: один – тяжелая ракета “Протон-М” – расположен рядом с эскалатором между этажами, а второй – спутник “KazSat” – висит под потолком.

Статья поступила 30.07.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 13.09.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Медеуова К., Сандыбаева У. Наследие и фронтир: репрезентация космоса в музеях Казахстана // Этнографическое обозрение. 2022. № 5. С. 41–56. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050037>
EDN: HZQHDS

Medeuova, K., and U. Sandybayeva. 2022 Nasledie i frontir: reprezentatsiia kosmosa v muzeiakh Kazakhstana [Heritage and the Frontier: Representation of Space in Museums of Kazakhstan]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 41–56. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050037> EDN: HZQHDS

Поскольку зал является проходным, то все пять стендов – закатанные под пленку щиты с фотографиями – не привлекают к себе особого внимания. На стендах представлены казахстанские космонавты Т. Аубакиров, Т. Мусабаев, А. Аимбетов и президенты Н. Назарбаев и В. Путин, последние во время запуска первого казахстанского спутника связи. Основной сюжет этих стендов – либо встречи на земле и на космической станции, либо биографии космонавтов, либо разные указы, в которых особо подчеркивается, что спутник “KazSat-2” является прорывом для казахстанского космического будущего. Визуально бедная экспозиция (в том числе отсутствие подлинных экспонатов) провоцирует серию вопросов: чем, собственно, является космос, космическое, Байконур и история космонавтики для культуры Казахстана? какая память остается о космическом прошлом? какое воображение связано с космическим будущим? почему в действующих экспозициях доминируют фотографии космонавтов с политиками? есть ли особые, оригинальные экспозиции, связывающие космос и собственно Казахстан? Эти частные вопросы можно сгруппировать в три больших исследовательских: что же мы можем увидеть в казахстанских музеях, если нет крупных материальных репрезентаций космического? есть ли критический дискурс, связанный с экологическими проблемами, трансформацией культурного ландшафта? и кто является мнемоническими акторами космической темы в Казахстане?

Казахский “космический” дискурс, сложно описать однозначными причинно-следственными простыми схемами. Всегда есть факты, события, контексты и контексты для контекстов. Рассматривая современные музейные практики памяти о космическом проекте советского периода, с неизбежностью сталкиваясь с необходимостью ввода сюжетов, не имеющих прямого отношения к космосу, но имеющих важное либо политическое, либо эмоциональное значение для населения, которое проживало и продолжает жить рядом с космодромом. Космодром Байконур перешел в собственность Казахстана после обретения независимости в 1991 г., по договору 1994 г. он был передан в аренду России, а по соглашениям 2004 г. аренда пролонгирована до 2050 г. Поэтому город и космодром так и остались закрытыми, действуют разрешительно-пропускная система и сложные процедуры получения доступа на посещение города или музеев, расположенных на стартовых площадках. В то же время, когда в октябре 1991 г. в космос полетел первый казах, то, по выражению Н. Назарбаева, это стало актом справедливости для республики, с земли которой взлетают в космос (*Назарбаев 2006: 307*). Делая акцент на таком понимании справедливости, задаемся вопросом: а услышаны ли были голоса местных жителей?

Выбор казахстанской земли для космодрома был обусловлен не только техническими характеристиками территории. В условиях холодной войны учитывалось и то, что полигон размещался в районе, труднодоступном для разведки: чтобы ввести в заблуждение США, даже географические координаты места запуска космических аппаратов, указанные официальными структурами, не соответствовали реальному расположению космодрома (*Gruntman 2019*).

Именно с этим связана частая путаница в казахстанских “космических” топонимах: название “Байконур” закрепилось за г. Ленинск и космодромом с 1995 г. (АП РК). По сути, это второй Байконур – он получил свое имя от местности в Жезказганской (ранее Джезказганской) области. Это место часто описывают как расположенное у станции Тюратам или между станциями Казалы (ранее Казалинск) и Жосалы (ранее Джусалы); все эти локации связаны с р. Сырдарьей и Кызылординской областью. В условно первом Байконуре также проводились ранние испытания баллистических ракет и был дислоцирован “ложный космодром”, координаты которого вошли в историю как место старта первого космонавта Ю. Гагарина. Частые административные переименования создали

разные инвариации описания этого “исходно первого” Байконура: “Байконур в местности Улытау”, “Байконур Жезказганский/Жезказганский”, “Байконур Карагандинский” и “Байконур Улытауский”. Для удобства в тексте будут использоваться “Байконур Кызылординский” и “Байконур Улытауский”, поскольку в 2022 г. в результате последнего административно-территориального изменения региону было возвращено имя, используемое в историко-культурных реконструкциях ландшафта, – Улытау.

С другой стороны, инфраструктура космодрома – это не только сам Байконур. Изначально Министерство обороны были отведены “7 участков по 200 га каждый в Актюбинской, Акмолинской, Кызыл-Ординской, Кустанайской и Карагандинской областях” (Сухина, Ивкин 2016: 41). Речь идет об отчуждении огромных пространств на территории Казахстана, буквально выключенных из всех видов коммуникации (культурной, социальной, экономической), кроме связанных с обслуживанием космодрома, – пространств, находящихся в его “инфраструктурной тени”. Сейчас это территории, где производятся старты и приземления космонавтов, но также падает “космический мусор” и происходит гептиловое загрязнение¹.

Разносторонние аспекты взаимоотношений между местным населением и культурным и технологическим ландшафтом на примере Пенемюнда, Вумера и Базы Спокойствия рассматривала А. Горман (Gorman 2005). В отношении казахского контекста подобных исследований нет, но есть работы о казахстанской космополитике Н. Бекус (Bekus 2022) и критические исследования Р. Копака, рассматривавшего казахские степи как зоны сбора токсичного топлива и ракетных обломков, как экстерриториальные ландшафты управления собственностью (Korack 2021).

Музейная аналитика дает представление об уровнях организации памяти о космическом. То, что эта проблема актуальна не только для Казахстана, хорошо видно по публикациям о специфике музеев наук и технологий, выполняющих свою стандартную роль, представляя “романтику технического прогресса” (Neufeld 2022: 76). В ранних исследованиях авторы настоящей статьи отмечали, что в музейном поле Казахстана есть трудности с обновлением экспозиционной политики, что по-прежнему доминируют краеведческие и исторические музеи, а музеев, посвященных технологиям, науке или по крайней мере реконструкциям истории крупных инфраструктурных проектов, таких как атомный, космический и даже целинный, – нет (Медедуова и др. 2017).

Музеи могут не только отражать романтику технического прогресса, но и поддерживать критический дискурс о роли техники, технологий, экологической нагрузки и давлении на локальные культуры, поэтому космодромы и другие виды полигонов могут быть интерпретированы как амбивалентные “места прогресса” (Brandau 2022: 120). Д. Брандау применил этот подход к анализу музеев Пенемюнде в Германии, где в точке “рождения космической эры” актуализировались дискуссии о роли идеологических и биографических фигур умолчания, энтузиазме политических обещаний и социально-экономическом отчаянии. Таким образом, Пенемюнде предстает не только как родина космических экспериментов, но и как место преступлений нацистов – это все еще позволяет обсуждать, “как ответственно относиться к возможностям, которые технологии и естественные науки предлагают нам” (Ibid.).

Специфика казахстанского исследовательского поля

В статью вошли результаты полевых исследований проекта «“Космос” в культурном ландшафте Казахстана: социальное и культурное измерение». Были

проанализированы экспозиции государственных и частных музеев в городах и населенных пунктах: Алматы, Аркалык, Атырау, Байконур Кызылординский, Байконур Улытауский, Жезды, Жезказган, Казалинск, Караганда, Карсакапай, Кызылорда, Нур-Султан, Петропавловск, Темиртау. На момент распада Советского Союза в Казахстане было всего 200 музеев, к 2011 г. их количество сократилось до 103, а затем началась позитивная динамика, и в 2021 г. их стало 264².

Общее количество музеев, вошедших в выборку, – 40. Помимо расположенных в областных центрах, позиционировавших себя в качестве “космических гаваней” – Караганда, Жезказган, Аркалык, Кызылорда, – сюда вошли музеи небольших населенных пунктов, соседствующих с космодромом, – Жезды, Байконур Улытауский, Жусалы, Казалы. Из описания казахстанского музейного поля исключены объекты, расположенные в г. Байконур и на космодроме, поскольку они являются музеями российских воинских частей, созданными в советский период в закрытом городе, который таковым остается и сегодня. Тогда как для целей исследования было важно увидеть динамику изменений именно в казахстанских музеях. Необходимо было понять, как происходит ревитализация культурного ландшафта после того, как границы космодрома закапсулировались протоколами об аренде³.

Методология полевого исследования была направлена на поиск локальных, региональных репрезентаций космоса, в том числе объектов, которые могли выполнять роль символического присутствия космического в культурном ландшафте. В этом контексте в московских, калужских музеях космонавтики исследовалось значение Байконура в частности и Казахстана в целом для репрезентаций истории космонавтики. Понятие “космическое” используется для описания локальных практик интерпретации определенных технологических, экологических, эмоциональных составляющих. Например, когда речь идет о том, почему космодром был инкорпорирован именно в культурный ландшафт Сырдарьи и как сопряжена с этим ландшафтом текущая история космодрома – при этом эта территория описывается как местность, в которой ничего до этого не было. Таким образом, разные масштабы освоения космоса – глобальный, национальный, локальный – сталкиваются и находятся в напряжении (*Сивков* 2019).

Спецификой казахстанского исследовательского поля является и то, что история космонавтики в Республике вписывается в национальный нарратив о независимости (*Назарбаев* 2006: 307). Именно поэтому в казахстанских музеях тема истории космонавтики плавно перешла в “Залы Независимости”, которые стали появляться с 1992 г. и сейчас есть практически во всех музеях. Этим также объясняется, почему так много фотографий казахстанских космонавтов с Н. Назарбаевым. Но история Байконура как более специфическая история строительства мегасооружений, запусков и приземлений космических аппаратов, технологических аварий, экологических последствий является в целом фронтирным сюжетом. В статье понятие “фронтир” используется для описания зоны контактов разных хозяйственных, социальных систем, периферий (*Тернер* 2009), а также как метафора пограничья, особого мира с разными акторами культурной памяти.

Когда космическое влетает в дискурсы о национальной независимости, это также связано с рефлексиями по поводу переживаний, по выражению А Сиддики, о “нереализованном будущем”. Американский исследователь отмечал, что подобное настроение характерно для стран, выпавших из нового витка космической гонки (*Siddiqi* 2011).

Космос казахской культуры

В Кызылординском регионе самым сильным трендом в легитимации космодрома, с точки зрения местных жителей, является мифологическая интер-

претация легендарной личности Коркыт-ата, миф о котором можно назвать главным мифом общетюркской культурной ойкумены. Почти во всех вариантах сказания Коркыт/Коркут (Хорхут), уходя от смерти, путешествует по всему космосу, по всем четырем углам мира, и возвращается к р. Сырдарье, которая воспринимается как центр мироздания (*Каскабасов* 1992: 99). Во всех музеях Кызылординской области Коркыт – предвещающий историю космодрома центральный сюжет. Его ключевая идея заключается в том, что мегаобъект появился не случайно на этой территории: “здесь Коркыт обрел бессмертие”, это “центр земли”, “пуповина земли” (*жер кіндігі*). Когда в этой местности у мазара Коркыту построили музейно-мемориальный комплекс, он стал знаковым общественным пространством, в том числе и для туристов, направляющихся в Байконур на ракетные старты (*Медедуова* 2020). Поскольку реального доступа для всех слоев населения к космодрому нет, а традиционно это сакральное место для казахской культуры, то можно утверждать, что мифологическая интерпретация связи Коркыта и Байконура является формой эпистемологической компенсации (*Наурызбаева, Медедуова* 2021).

В алматинском Музее истории казахстанской науки, расположенном в здании Академии наук РК, в тематическом разделе “Развитие и становление казахстанской науки в советский период” открыты экспозиции, посвященные созданному в 1941 г. Институту астрономии и физики и одному из его основателей академику В. Фесенкову. Очевидно, что фотографии ученых, в том числе с космонавтом Г. Гречко, постановления, отчеты об основных достижениях института призваны показать главные свершения фундаментальной науки в советский период, к ним относят и труды академика Г. Тихова по астроботанике и астробиологии. Термин “астробиология” впервые был предложен Г. Тиховым в 1953 г. – ученый искал доказательства существования растительности на Марсе и Венере. Кроме научных трудов есть в музее и особый экспонат – “казахстанская почва, побывавшая в космосе”. Хотя это маленький сувенир в прозрачной герметичной коробочке, он несет большую символическую нагрузку. Во-первых, он связан с первой космической научной программой, которую выполнил Т. Аубакиров, во-вторых, получен в дар от академика У. Султангазина, одного из инициаторов идеи использования космодрома “Байконур” в национальных интересах. Похожий сувенир – “земля с космодрома Байконур” – находится в музее космонавтики в Москве, на нем выгравировано: “В год 20-летия космической эры – земля с космического старта человечества. Коллектив космодрома Байконур 18 мая 1977 г.”. В данном контексте земля с космодрома несет не локальный казахстанский смысл, а глобальный: Байконур как *космические врата*.

Поиск символического содержания для переживания космического дал совершенно необычные результаты. В областном краеведческом музее г. Атырау в богатой коллекции народных музыкальных инструментов есть домбра работы местного автора И. Бекмамбетова. Домбра, инкрустированная кожей, на лицевой стороне имеет надпись “50-летию Ю.А. Гагарина,” а на корпусе – “Байконур СССР”. Этот музыкальный инструмент, как и *кобыз*, и *шанырак*, очень важный (с повышенной символической ценностью) элемент репрезентации казахской культуры. В связи с этим интересно то, что в Московском музее космонавтики на стенде, посвященном деятельности космонавта А. Губарева, также представлена домбра, подаренная ему тружениками Экибастуза как почетному гражданину города. В логике поиска репрезентаций казахстанского контекста в российских космических музеях, где казахстанская тематика преимущественно представлена общей информацией о ходе строительства космодрома Байконур и стартах, домбра – это редкий объект. Домбра экспонируется в разделе “дары”, аналогично игрушкам с гжельской росписью, встречающимся в музеях Кызы-

лорды. Роль символического дарообмена часто выполняют флаги, гербы, марки, монеты, значки. Например, в Московском музее космонавтики размещен флаг Казахстана с бортовой печатью Международной космической станции. Флаг был доставлен на борт космонавтом О. Артемьевым в 2014 г. В казахстанских музеях объекты с печатью МКС также часто встречаются, например, полотна с гербами городов – “космических гаваней”.

В Национальном музее Республики Казахстан, где размещен макет “Протона”, тоже есть подобные экспонаты – коллекционные монеты из серии “Космос”, выпущенные уже в период независимости: “Космос”, “Байконур”, “Буран”, “Первый космонавт”, “Станция мир”, “Союз–Аполлон”. На монете “Байконур” изображена Земля, а вокруг – орбиты в виде *шанырака* (навешия) казахской юрты. Шанырак – один из самых идентифицируемых архетипов кочевого образа жизни – относится к доминантным символам казахской культуры, его изображения наиболее часто встречаются в городском дизайне, архитектурных решениях, он актуализирует тему единства, общего дома, родства, в том числе космического. Эта тема хорошо прослеживается и в шевронах казахстанских космонавтов. Так, например, на скафандре Т. Мусабаева среди официальных наших и гербами и флагами Казахстана и России есть изображение всадника в стилизованной одежде кочевника, мчащегося по поверхности земного шара на фоне ночного звездного неба.

При сравнении казахстанских и российских экспозиций на тему истории космонавтики можно обнаружить, что первые не содержат фотографий этапов строительства космодрома – Байконур как бы присутствует в качестве готового образа. А вторые, наоборот, представляют свидетельства, досконально детализирующие процесс, вплоть до картографических материалов, на которых указаны планируемые траектории падения ступеней ракет, места размещения станций наземного слежения, т.е. всей той информации, которая может расширить представление о реальных размерах космодрома и его инфраструктурного давления на территорию Казахстана. Казахские государственные музеи по большей части предлагают фотоколлажи, состоящие из официальных фотографий президента Н. Назарбаева с тремя космонавтами-казахами, а также с изображениями полетов ракет и спутников. Но есть и более эмоциональные фотографии, где Н. Назарбаев запечатлен среди тех, кто встречает космонавтов в первые минуты приземления. В постоянных экспозициях государственных музеев, которые были созданы в советское время и подверглись масштабной реконструкции в 2000-е годы, представлены достаточно консервативные сюжеты и стандартные методы подачи информации через фотографические коллажи и сувениры. Более “продвинутыми” являются музеи, появившиеся после 2017 г. – после проведения международной выставки ЭКСПО в Астане.

“Нур-Алем” – технологический музей энергии будущего – выполнен в форме сферы, где каждый этаж олицетворяет определенные виды энергии. Космической энергии посвящен седьмой этаж “Space energy”. Это новый для Казахстана тип научно-популярных экспозиций, напоминающих экспозиции специального космического павильона Американского музея естественной истории (American Museum of Natural History) в Нью-Йорке. Сходство прослеживается в формате репрезентации космического с футуристическим дизайном, различие – в масштабах охвата конкретных тем. В казахстанском музее, идя по длинному “туннелю космических исследований”, можно узнать обо всех важных событиях в истории космонавтики в хронологическом порядке, причем информация размещена по всей поверхности туннеля. На пути встречаются аттракцион “прогулка по Луне”, экспозиции, знакомящие с жизнью космонавтов на МКС, с некоторыми предметами космической повседневности, такими как

еда, беговая дорожка, кофеварка и др. Кроме того, представлены макеты аппарата “Луноход-1”, лунных лабораторий будущего, солнечных станций на Луне, различные 3D-шоу, интерактивные информационные стенды, роботы. Итак, это единственный музей, который условно может быть отнесен к категории музеев науки и технологий. Здесь демонстрируются достижения и планы человечества по освоению космической энергии, здесь нет ностальгии по советскому и есть иной космос, не только тот, что связан с космодромом Байконур.

Города – “космические гавани”

Музеи могут служить интересам нациестроительства, укреплять национальную идентичность (*Оскар* 2010). В Казахстане государство является основным актором космической темы, поэтому в доминирующем национальном нарративе акцентируется внимание на одновременности обретения независимости и полета в космос космонавта-казаха. Однако есть и локальные музейные практики, например, в Караганде, Жезказгане, Аркалыке, Кызылорде, где активно использовали метафору городов – “космических гаваней” начиная с 1970-х годов. Все эти региональные центры расположены по периметру космодрома, в каждом из них происходили “встречи” космонавтов после приземления. Поэтому в этих городах сохранилась своя “космическая” инфраструктура: гостиницы, медицинские центры, где космонавты проходят первое медицинское обследование, и пр. Эти объекты могут быть маркированы мемориальными досками, как например гостиница “Чайка” (название от позывного В. Терешковой) в Караганде.

В областном краеведческом музее в Кызылорде представлены всего три стенда на тему космоса, несмотря на то что космодром расположен в Кызылординской области и исследование проводилось в юбилейном для космонавтики апреле 2021 г. В Байконуре во время юбилейного старта, посвященного 60-летию первого полета человека в космос, была реализована развернутая программа празднования, а в кызылординском музее экспозиция не обновилась: привычные фотোগрафии, а также сувениры и подарки от Роскосмоса.

В районном музее ст. Казалы (100–120 км от полигона) вообще нет экспозиций, посвященных космонавтике. Хотя эта станция расположена на железной дороге, которая непосредственно связана с Байконуром.

Когда стали строить космодром, стало больше тайн, все стало похоже на тайны, шпионов ловили, разведчики тогда хорошо работали. Самая большая тайна была про Ленинск: откуда столько солдат, как их кормят, какое у них там “московское” обеспечение. Мы всему удивлялись. Один родственник работал на складе, а склад тот был целый километр, так вот, на машине въезжаешь и набираешь огурцов из бочки, какой-то твердой еды... А когда закончил школу в 60-е, пошел в армию, один парень из нашего класса тоже ушел и через три года, отслужив, вернулись, разговариваем... Где и как служил? А он совсем запутался, говорит, из военкомата повезли в Туркестан поездом, потом машинами куда-то, сам не знает куда. Все время служил, охранял какие-то объекты, письма писали на почтовый ящик, в отпуск не отправляли. А как отслужил, вернулся домой из Тюретама. Вот удивился – это же совсем рядом с домом было (ИМА 1).

По сути, для местного населения космическая тема существует как бы в параллельном измерении. При этом ее могут использовать для регионального брендинга. В Астане в канун 20-летнего юбилея столицы в 2017 г. был развернут музей под открытым небом, экспонировались ракетно-космическая техника, макеты ракет “Союз”, “Зенит”, “Протон” и космического челнока “Буря” в натуральную величину. Это был подарок от Кызылординской области в рамках проекта “Регионы в дар Астане”. Внушительные макеты выступают больше знаками, отсылающими к Кызылординской области – территории, на которой

Рис. 1. Тренировочный шлем Ю.А. Гагарина. Жезказганский историко-археологический музей, зал “История космонавтики”. Фото К. Медеуовой, 2021 г.

находится космодром, но не к тому, что Казахстан стал полноценным правопреемником космической инфраструктуры.

Наиболее насыщенными космическими сюжетами оказались Карагандинская и Жезказганская (с 2022 г. Улытауская) области. Здесь космическое имеет более осязаемую связь с экономической и культурной жизнью. В краеведческом музее Жезказгана, благодаря энтузиазму частного коллекционера, почетного гражданина города Д. Грудея, представлена наиболее проработанная, по сравнению с другими музеями, экспозиция о связи космоса и региона. Д. Грудей был сотрудником облисполкома, начальником ЖКХ-треста “Казмедьстрой”, он участвовал в поисковых операциях после приземления космонавтов, коллекционировал сувениры, медальоны, значки, личные предметы космонавтов. В своей квартире Д. Грудей организовал комнату-музей космонавтики, а после его смерти коллекция была принята Жезказганским историко-археологическим музеем на хранение, позднее был открыт специальный выставочный зал “История космонавтики”. В космической экспозиции, размещенной в небольшой комнате без окон площадью 22 кв. м, представлены уникальные предметы: тренировочный шлем Ю. Гагарина (см. Рис. 1), макет первой версии памятника на месте трагической гибели корабля “Союз-11” и др.

Но большая часть экспонатов – это вновь фотографии, значки, сувениры. Особенно много значков по программе “Интеркосмоса”. Примечательно, что в Национальном музее авиации и космоса в Центре Стивена Ф. Удвар-Хэзи в Вашингтоне в гигантском авиационном ангаре, где собраны сотни габаритных объектов, имеется отдельный стенд, посвященный значкам на космическую тему как особой давней “советско-российской традиции”. Эта традиция сохранилась

и в казахстанских космических музеях, где значкам, маркам и космической еде отводится самое почетное место. Они, по сути, компенсируют отсутствие крупных материальных экспонатов. В этих коллекциях представлены и казахстанские сюжеты, связанные с разными юбилейными космическими датами, в том числе значки воинских частей, которые строили Байконур. Большое количество значков в музеях космонавтики не случайно, и связано это с либерализацией в хрущевский период, с успехами в освоении космоса и, как показала К. Льюис, с исключительной секретностью космических разработок – значки в этих условиях были еще и источником информации о космонавтике (Lewis 2011).

Карагандинский краеведческий музей предлагает стандартную, преимущественно фотографическую версию экспозиции. Но в Караганде есть два других музея: школьный и экологический, оба они имеют более живой экспозиционный почерк. В экологическом можно увидеть крупногабаритные элементы “космического мусора”, например, фрагмент ракеты-носителя “Протон”. Музей расположен в непригодном помещении – в бывшем актовом зале. У зала нет перегородок, в целом пространство выглядит как классический гараж, в котором собраны объекты, посвященные индустриальным ландшафтам: шахтам, атомному полигону, космодрому. Одна часть музея выглядит как “капитанская рубка” гигантского космического корабля. Для этого торцовая стена зала по высоте разделена лестничным пролетом и балконным ярусом. Нижняя часть оборудована как нос корабля, симитированы иллюминаторы, имеются разноформатные объекты космического мусора, автографы космонавтов, посетивших музей. Фрагмент ракеты-носителя “Протон” является одним из самых крупных объектов, находящихся в казахстанских музеях (см. Рис. 2). Он размещен на лифтовой платформе и скрыт под полом. За дополнительную плату посетителям показывают специальное шоу, когда под звуки сирены открывается люк и платформа с грудой искореженного металла медленно поднимается вверх.

Рис. 2. Фрагмент ракеты-носителя “Протон”. Экологический музей, г. Караганда. Фото К. Медедуовой, 2021 г.

Небольшой музей авиации и космонавтики есть в карагандинской общеобразовательной школе № 6, в нем хранится барельеф с изображением космонавта, на барельефе сделана надпись: “Ғарышты игерген ел” (“Страна, освоившая космос”). В музее собрана информация о космонавтах независимого Казахстана, сведения об ученых, внесших вклад в космическую науку. В одной из экспозиций представлены привезенные космонавтами два пластмассовых флакона; на этикетках написано от руки: “Земля с могилы К. Циолковского”, “Земля из Звездного городка”. Есть в коллекции и личные вещи космонавтов: часы С. Крикалева и шинель Т. Аубакирова.

Итак, несмотря на то что космодром Байконур находится на территории Казахстана, в целом в казахстанских музеях мало материальных объектов, связанных с освоением космоса. В основном представлены “брошенные” фрагменты, как например, учебная капсула спускаемого корабля, оставленная военными в аэропорту в 1990-е годы. Эта капсула находится перед входом в Областной музей истории Степного края в г. Аркалыке. Есть “космический мусор”, собранный экологическими энтузиастами в степи, представленный, например, в экологическом музее Караганды.

Подаренных объектов немного. Так, сотрудники Жезказганского историко-археологического музея, чтобы получить подлинный космический экспонат, специально писали письмо третьему казахстанскому космонавту А. Аимбетову. В результате музей получил дверь посадочного люка головного отсека транспортного пилотируемого космического корабля “Союз ТМА-18М”, на котором совершил полет А. Аимбетов.

“Космический мусор” можно встретить и в пос. Жезды, где расположен уникальный частный музей истории горного и плавильного дела. Его организатор М. Торегельдин занимался историей Карагандинской области. Он собирал свидетельства о дореволюционных предприятиях и роли британцев в разработках угля и производстве чугуна, о первых советских пятилетках, когда реализовывались амбициозные планы по созданию шахт и заводов (Торегельдин 2003). На площадках под открытым небом расположены паровозы, станки, оборудование для горной и металлургической промышленности, рудные глыбы, печи для плавки металла, динамомашины и другие крупные экспонаты – это и английское оборудование начала прошлого века, и американское, полученное по ленд-лизу. Парад техники демонстрирует масштабную индустриальную нагрузку на регион. В этом индустриальном контексте представлена и тема космоса. Чуть в стороне от машин и оборудования расположены космические объекты: большой аутентичный фрагмент корабля – ступень ракеты (см. Рис. 3), а также четыре фрагмента меньших размеров. Все эти экспонаты были подарены музею жителями региона.

По воспоминаниям М. Торегельдина, для оформления экспозиции “Космос” понадобилась рулонная фотобумага большого размера, ее искали три года, а затем с помощью военных доставили в Ленинск (Байконур). По просьбе энтузиастов музея были сделаны фотографии, запечатлевшие подготовку космических кораблей к полету и приземление космонавтов, в том числе, конечно, и Т. Аубакирова. В 1996 г. М. Торегельдин встретился с ним и рассказал ему о том, что в музее специальное место отведено космосу – это обрадовало космонавта. Популярна в пос. Жезды и история о том, что именно в эту местность был сослан мешанин Никифор Никитин за “крамольные речи” о полете человека на Луну, о чем писалось в “Московских ведомостях” в 1848 г. (Торегельдин 2003: 151).

На фоне всей этой индустриальной истории региона ощущается маргинальность космоса, и только личные нарративы с привязкой к локальности поддерживают интерес к космическому. Подобное отношение было зафиксировано и

Рис. 3. Фрагмент космического корабля. Музей истории горного и плавильного дела, пос. Жезды. Фото К. Медеуовой, 2021 г.

в небольшом школьном музее Байконура Улытауского. Экскурсовод – учитель истории, акцентировал внимание на документально-публицистическом романе “Даладагы дабыл” (“Гудок в степи”) М. Каратаева, где есть рассуждения об индустриальной истории края, о том, что Байконур не был бы возможен без Карсакбая, откуда и начинается космос (Каратаев 1981: 202). Карсакбай же, где произвели первый казахстанский чугун, был самым знаковым объектом первых пятилеток, символом советского индустриального Казахстана.

Второй сюжет, принципиально важный для локальной истории, повествует о том, что эта местность знаменита своими героическими нарративами. И в Байконуре Улытауском (в том числе в музее), и в его окрестностях в последние десятилетия началась мощная репрезентация Булантинского сражения первой половины XVIII в. как первой крупной победы над джунгарами – ойратским населением Джунгарского ханства. Именно это сражение позиционируется в официальном дискурсе как исходная точка на пути к независимости Казахстана: если в начале 1990-х годов обретение независимости страной связывали с космосом, полетом первых казахов-космонавтов, то в настоящее время акценты смещаются в сторону сюжетов героического прошлого, истории Казахского ханства и Золотой Орды.

Рабочая гипотеза о том, что в этом “исходном” Байконуре авторам данной статьи удастся найти уникальное “космическое наследие”, не подтвердилась, здесь так же, как и в других населенных пунктах по периметру космодрома, космическое выглядело скорее маргинальным сюжетом. В интервью самый авторитетный свидетель – аксакал 86 лет рассказывал о родовых территориях в

местности Акшал, там, где находился, по его мнению, “настоящий” космодром. Ему пришлось покинуть эти места в возрасте 20 лет. Он говорит, что

видел длинные колонны машин с грузом, закрытые брезентом, которые где-то в степи пропадали, помню разговоры чабанов, которые видели, как приземлялись самолеты и уходили куда-то под землю... но нам туда запрещали смотреть (ПМА 2: аксакал).

В устах местных жителей космическая история выглядит таким образом, что именно из их населенного пункта был совершен первый полет:

Удивляет, что вы не знаете, что Гагарин полетел с нашего Байконура. Подземный космодром был у нас в степи, отсюда и взлетали ракеты, аксакал же говорил вам, что видел длинные колонны машин, идущие куда-то в степь, и их заставляли сразу отворачиваться, чтобы не смотрели... даже самолеты куда-то уходили под землю, просто об этом боялись говорить. О космосе же люди не знали. И шпиона же у нас поймали, когда он хотел американцам сообщить о космодроме... Если даже вы не верите, что Гагарин отсюда полетел, то до него летали же собаки... Лайка, тогда они точно полетели от нас... в общем летали... (ПМА 2: Аким).

Несмотря на то что жители позиционируют свой поселок как место первого полета в космос, в местном музее нет практически никакой информации об этом, нет экспозиций, повествующих о космосе и космическом. Мы увидели лишь одну картину с изображением ракеты и надписью “Байконур”. Единственное, что в поселке отсылает к теме космоса, – это устаревший баннер с портретом Ю. Гагарина и дорожный указатель с устремленной вверх ракетой.

Наличие космодрома в Казахстане не вызывает особой гордости у местных жителей, космос для них сегодня – космический мусор в степях, создающий проблемы. При этом поддерживается устный нарратив о полете Ю. Гагарина с их “настоящего Байконура”:

В 1992 г. 13 августа мы приехали с Монголии в Казахстан, в Жезказган. Потом в Жезды, Байконур, Кызылүй (отделение), еще дальше на джайлау (летнее пастбище) Көктал. Нам дали большое количество баранов, чтобы мы занимались скотоводством, для нас это было сложно, вся семья занималась интеллектуальным трудом в Улан Баторе, и мы сами были городскими детьми. И вот однажды на летнем пастбище Токболат мы увидели далеко в степи сверкающий город, так нам показалось, и я пошла туда с сестренкой, хотя запретили родители. Оказалось, что не город, а груды сверкающего металла, там были разбросаны ракеты разного объема, обломки каких-то конструкций, разноцветные красивые провода и разные квадратные аппаратуры. Мы не знали, что это, и игрались там, взбираясь на эти сооружения, качались как на качелях. Потом мы узнали, что все это связано с космосом и небезопасно, нам запретили туда ходить. Однажды одна из огромных ракет из-за сильного ветра докатилась очень близко к наш кыстак (зимовку). Я слышала много историй, как люди болели после запусков ракет от зараженной воды и почвы... Одна женщина, семья которых вернулась еще в 60-е годы из Китая, мужа звали Ахат... а брата Ныгмет, она пасла скот и от сильной жажды выпила воды из этих металлических обломков и очень быстро потом умерла (ПМА 3).

* * *

Рассуждая о космическом мусоре, А. Горман задалась вопросом о его исторической ценности как универсальном наследии и о сохранении его в качестве музейных экспонатов, но только в космосе (*Gorman 2005*). Подобные музеи, возможно, и появятся в будущем, но что мы имеем в настоящем в регионе, которому достался в “наследство” самый первый в мире космодром и который с самого начала стал зоной падения ступеней ракет и всяческих технологических рисков для жителей? Мы видим, что “космический мусор” – достаточно редкий музейный экспонат, практически полностью отсутствующий в государствен-

ных музеях. В частных музеях он встречается чаще, и его появление всегда связано с музейными энтузиастами.

Полевые исследования во всех регионах Казахстана, особенно в тех, которые позиционируют себя как “космические гавани”, “врата”, показали, что нет не только специализированных музеев истории космонавтики, но и слабо продуманы концепции космического наследия. Время от времени появляются проекты с попытками более отчетливой артикуляции казахстанского вклада в историю освоения космоса, происходит наполнение музейного контента. В том случае, когда актором музейной репрезентации космоса выступает государство, воспроизводятся паттерны типично советской героики идеологического формата. Особенно это хорошо прослеживается в экспозициях, посвященных своим, казахским, космонавтам, наличие которых уже позиционируется как достижение, или в упоминании самого большого в мире космодрома и умалчивании всех техногенных, экологических последствий для культурного и экономического ландшафта Казахстана. Поэтому во всех краеведческих и исторических музеях космос включен в национальный нарратив, что считывается в “Залах Независимости” через фотографии, изображения казахстанских космонавтов с президентом, ракет или спутников на фоне футуристической архитектуры столицы и знаковые для страны исторические сюжеты.

В итоге все эти скудные экспозиции на космическую тему говорят о грандиозном “секретном” проекте, реализованном на территории Казахстана и в значительной степени присутствовавшем в повседневной жизни людей как хорошо проработанный идеологический нарратив, но отнюдь не как четкое и ясное понимание масштабов экономического, военного, культурного и в конечном итоге эпистемологического искажения, которое создает космодром. В целом казахстанские музеи поддерживают свою локальность, а включением космоса в национальный нарратив создают некоторое напряжение между глобальным, национальным и локальным.

В последние 30 лет изменились интонации высказываний о космосе и космическом – от явной ностальгии по воображению космического будущего к постепенному вытеснению/забвению этого дара модерности – и произошел перевод космического в плоскость фронтирного присутствия. Ведь космодром Байконур, олицетворяя космос, был и остается настоящим фронтиром – подвижной границей, очерченной договорами аренды. Текущая тенденция, считываемая в казахстанских музеях, характеризуется тем, что космос (космическое) начинает уступать другим темам, эмоционально более окрашенным, политически более востребованным, например, восстановлению знания о культурных ландшафтах, глубинным проработкам исторической памяти.

Примечания

¹ См., напр.: Шарипжанов М., Шароградский А. Сайгаки гибнут рядом с Байконуром // Radio Svoboda, 3 June 2015. <https://www.svoboda.org/a/27047595.html> (источник информации выполняет функции иноагента); Глушкова С. Активисты “Антигептила” призвали “не осквернять казахскую землю” 19 октября 2013. <https://rus.azattyq.org/a/astana-meeting-heptyl-baikonur/25141791.html>

² По данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. <https://stat.gov.kz/search>

³ О ратификации Соглашения между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о развитии сотрудничества по эффективному использованию комплекса “Байконур” см.: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000273>

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта МОН РК AP08856485 «“Космос” в культурном ландшафте Казахстана: социальное и культурное измерение».

Источники и материалы

- АП РК – Архив Президента Республики Казахстан. 5-Н. Оп. 1. Д. 4714. Л. 96.
Каратаев 1981 – *Каратаев М.* Даладагы дабыл. Алматы: Жазушы, 1981.
Назарбаев 2006 – *Назарбаев Н.* Казахстанский путь. Караганда: Арко, 2006.
Сухина, Ивкин 2016 – *Сухина Г., Ивкин В.* Нестеренко. М.: Молодая гвардия, 2015.
Торегельдин 2003 – *Торегельдин М.* Вечное наследие (Историко-документальная книга об организации музея истории горного и плавильного дела в Жездах). Караганда: Карагандинская полиграфия, 2003.
ПМА 1 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в с. Казалы Кызылординской обл. Апрель 2021 г. (интервью местного аксакала).
ПМА 2 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в с. Байконур Улытауской обл. Октябрь 2021 г. Наблюдение, фото, интервью (информанты: аксакал, Аким).
ПМА 3 – Полевые материалы авторов. Экспедиция в г. Нур-Султан. Октябрь 2021 г. (интервью Майры).

Научная литература

- Каскабасов С.А.* Колыбель искусства. Алма-Ата: Онер, 1992.
Медедуова К. Затянувшаяся “советскость” и трансформации коллективной памяти: советские и постсоветские мемориальные комплексы в Казахстане // Новое литературное обозрение. 2020. № 1. С. 256–274.
Медедуова К.А. и др. Практики и места памяти в Казахстане. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2017.
Наурызбаева З.Ж., Медедуова К.А. Казахская “космическая” топонимика: исследование культурного ландшафта в окрестностях космодрома Байконур // Вестник Казахского национального женского педагогического университета. 2021. № 3. С. 68–78.
Оскар Н. История и память в современном музее: несколько замечаний с точки зрения критической музеологии // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 3–11.
Сивков Д.Ю. Освоение космоса в домашних условиях: любительская космонавтика в современной России // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 67–79.
Тернер Ф.Д. Фронтир в американской истории. М.: Весь мир, 2009.
Bekus N. Outer Space Technopolitics and Postcolonial Modernity in Kazakhstan // Central Asian Survey. 2022. Vol. 41. No. 2. P. 347–367. <https://doi.org/10.1080/02634937.2021.1893273>
Brandau D. Peenemünde Contested: Remembering Second World War Technologies in Rural East Germany from 1984 to 1992 // Journal of Educational Media, Memory and Society. 2022. Vol. 14. No. 1. P. 98–127.
Gorman A. The Cultural Landscape of Interplanetary Space // Journal of Social Archaeology. 2005. Vol. 5. No 1. P. 85–107. <https://doi.org/10.1177/1469605305050148>
Gruntman M. From Tyuratam Missile Range to Baikonur Cosmodrome // Acta Astronautica. 2019. Vol. 155. P. 350–366. <https://doi.org/10.1016/j.actaastro.2018.12.021>
Kopack R. Baikonur 2.0: “Inland-Offshore” Space Economies in Post-Soviet Kazakhstan // Culture, Theory and Critique. 2021. Vol. 62. No. 1–2. P. 96–112. <https://doi.org/10.1080/14735784.2021.1929363>

Lewis C.S. From the Kitchen into Orbit: The Convergence of Human Spaceflight and Khrushchev's Nascent Consumerism // *Into the Cosmos: Space Exploration and Soviet Culture* / Eds. J.T. Andrews, A.A. Siddiqi. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. P. 213–239.

Neufeld M.J. The Smithsonian's National Air and Space Museum and "The Romance of Technological Progress" // *Journal of Educational Media, Memory, and Society*. 2022. Vol. 14. No. 1. P. 76–97. <https://doi.org/10.3167/jemms.2022.140105>

Siddiqi A. From Cosmic Enthusiasm to Nostalgia for the Future: A Tale of Soviet Space Culture // *Soviet Space Culture: Cosmic Enthusiasm in Socialist Societies* / Eds. E. Maurer et al. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. P. 283–306. https://doi.org/10.1057/9780230307049_21

Research Article

Medeuova, K., and U. Sandybayeva. Heritage and the Frontier: Representation of Space in Museums of Kazakhstan [Nasledie i frontir: reprezentatsiia kosmosa v muzeiakh Kazakhstana]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 5, pp. 41–56. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050037> EDN: HZQHDS ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Kulshat Medeuova | <https://orcid.org/0000-0001-8860-9678> | mkulshat@gmail.com | L.N. Gumilyov Eurasian National University (2 Satpayev Str., 010008, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)

Ulbolsyn Sandybayeva | <https://orcid.org/0000-0001-7075-405X> | ulbolsyn.enu@gmail.com | L.N. Gumilyov Eurasian National University (2 Satpayev Str., 010008, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)

Keywords

Kazakhstan, Baikonur, space, museums, frontier, Soviet legacy, cosmonauts, space debris

Abstract

In this article, we discuss the ways in which space is perceived in museum expositions in Kazakhstan, old and new frames coexist in museums, and visual patterns representing space changed after the country gained independence. The topic of space gives rise to ambivalent discourses. Since the Baikonur Cosmodrome is located in Kazakhstan, there is space infrastructure and domestic cosmonauts; at the same time, space is present in the everyday life of people living in the areas where astronauts land and "space debris" fall. The article uses ethnographic descriptions from museums located in different regions and settlements of the country, including cities that position themselves as "space havens". The representation of space in museums demonstrates, on the one hand, the connection of collective memory with the Soviet legacy, the heroism of the ideological format, and the nostalgia for an imaginary space future; on the other hand, the gradual displacement/oblivion of this gift of modernity and the transfer of space into the aspect of frontier presence.

Funding Information

This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan [grant no. AP08856485]

References

- Bekus, N. 2022. Outer Space Technopolitics and Postcolonial Modernity in Kazakhstan. *Central Asian Survey* 41 (2): 347–367. <https://doi.org/10.1080/02634937.2021.1893273>
- Brandau, D. 2022. Peenemünde Contested: Remembering Second World War Technologies in Rural East Germany from 1984 to 1992. *Journal of Educational Media, Memory, and Society* 14 (1): 98–127.
- Gorman, A. 2005. The Cultural Landscape of Interplanetary Space. *Journal of Social Archaeology* 5 (1): 85–107. <https://doi.org/10.1177/1469605305050148>
- Gruntman, M. 2019. From Tyuratam Missile Range to Baikonur Cosmodrome. *Acta Astronautica* 155: 350–366. <https://doi.org/10.1016/j.actaastro.2018.12.021>
- Kaskabasov, S.A. 1992. *Kolybel' iskusstva* [Gradle of Art]. Alma-Ata: Oner.
- Kopack, R. 2021. Baikonur 2.0: “Inland-Offshore” Space Economies in Post-Soviet Kazakhstan. *Culture, Theory and Critique* 62 (1–2): 96–112. <https://doi.org/10.1080/14735784.2021.1929363>
- Lewis, C.S. 2011. From the Kitchen into Orbit: The Convergence of Human Spaceflight and Khrushchev’s Nascent Consumerism. In *Into the Cosmos: Space Exploration and Soviet Culture*, edited by J.T. Andrews and A.A. Siddiqi, 213–239. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Medeuova, K. 2020. Zatianuvshaiasia “sovetskost” i transformatsii kollektivnoi pamiatii: sovetskie i postsovetskie memorial’nye kompleksy v Kazakhstane [Protracted “Sovietness” and Transformations of Collective Memory: Soviet and Post-Soviet Memorial Complexes in Kazakhstan]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 1: 256–274.
- Medeuova, K.A., et al. 2017. *Praktiki i mesta pamiatii v Kazakhstane* [Practices and Places of Memory in Kazakhstan]. Astana: ENU im. L.N. Gumileva.
- Naurzbaeva, Z.Z., and K.A. Medeuova. 2021. Kazakhskaiia “kosmicheskaiia” toponimika: issledovanie kul’turnogo landshafta v okrestnostiakh kosmodroma Baikonur [Kazakh “Space” Toponymy: Study of the Cultural Landscape in the Vicinities of the Baikonur Cosmodrome]. *Vestnik Kazakhskogo natsional’nogo zhenskogo pedagogicheskogo universiteta* 3: 68–78.
- Neufeld, M.J. 2022. The Smithsonian’s National Air and Space Museum and “The Romance of Technological Progress”. *Journal of Educational Media, Memory, and Society* 14 (1): 76–97. <https://doi.org/10.3167/jemms.2022.140105>
- Oskar, N. 2010. Istoriiia i pamiat’ v sovremennom muzee: neskol’ko zamechanii s tochki zreniia kriticheskoi muzeologii [History and Memory in the Contemporary Museum: A Few Remarks on Critical Museology]. *Voprosy muzeologii* 2: 3–11.
- Siddiqi, A. 2011. From Cosmic Enthusiasm to Nostalgia for the Future: A Tale of Soviet Space Culture. In *Soviet Space Culture: Cosmic Enthusiasm in Socialist Societies*, edited by E. Maurer, et al., 283–306. New York: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230307049_21
- Sivkov, D.Y. 2019. Osvoenie kosmosa v domashnikh usloviiakh: liubitel’skaia kosmonavtika v sovremennoi Rossii [Space Exploration at Home: Amateur Cosmonautics in Modern Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 67–79.
- Terner, F.D. 2009. *Frontir v amerikanskoi istorii* [The Frontier in American History]. Moscow: Ves’ mir.